

1 сентября 1991 года. Хогвартс. Солнечно

Новый дневник. Темно-зеленый кожаный переплет с тиснением в виде серебряных змей — личный знак Салазара, ставший ныне гербом Слизерина. Отныне я буду вверять этим страницам свои воспоминания. Возможно, им суждено навеки остаться под спудом, а возможно... И все же это лишь память — осколки прошлого, счастливые и горькие, которые я ни за что не соглашусь предать забвению.

Вечность длится слишком долго. Создатель когда-то говорил, будто бесконечные годы сотрут всё из памяти, заставив отпустить былые привязанности. Но он ошибся. Время действительно притупляет воспоминания, однако стоит истории вновь пересечься с личным прошлым, как старые узы затягиваются с прежней силой. Ровена как-то заметила, что я — вылитый Салазар Слизерин, только куда более упрямый и гордый. Пожалуй, лишь благодаря дарованной свыше вечной жизни мое упрямство кажется со стороны философским спокойствием. Или обыкновенным равнодушием.

Пан Трэлони Джесас... Кому теперь ведом истинный смысл этого имени? За долгие века люди привыкли к фамилии Трэлони, напрочь позабыв о Джесасе. Первое — лишь знак божественного покровительства; второе же означает «Сын Божий» — тот, кому под силу направлять ход истории или даже переписывать ее заново. Впрочем, не стоит винить смертных в забывчивости. За целое тысячелетие имя Джесас носил лишь один обитатель этого мира — я, бестелесный призрак Хогвартса.

И все же я решился действовать. Жить в вечном раскаянии, как прежде, свыше моих сил. Прошлые десять лет показались мне бесконечностью — как же тогда пережить грядущую вечность? Раз уж я явился сюда ради него, раз уж гордость не позволяет отступить, а судьба сама предлагает выбор на новой развилке, почему бы не принять решение, о котором я никогда не пожалею? В конце концов, мой дар — выбирать пути истории, а не поворачивать время вспять.

Да, я приношу искреннее покаяние пред Господом: я глубоко сожалею, что прежде позволял истории безропотно следовать ее первоначальному руслу. Отныне я жажду перемен. Я готов отдать свою вечную жизнь в обмен на иное грядущее — разве это не равноценный обмен?

Пора на занятия. На этом я прерываю свои записи, чтобы сделать первый, пусть и крошечный, шаг на новой развилке судьбы.

Пан захлопнул тяжелый дневник и наложил на него запечатывающее заклинание на эльфийском наречии. Огляделся: в библиотеке царила сонная тишина, за столами сидели лишь редкие ученики. Учебный год только начался. Старшекурсники уже с головой погрузились в свои неподъемные фолианты, а первокурсники тем временем совершали великие географические открытия в лабиринтах постоянно меняющих направление лестниц. На первых порах от этой участи не были застрахованы даже прилежные книжные черви с факультета

Рейвенкло.

Часы показывали четверть десятого утра. До начала первой лекции по истории магии оставалось еще целых пятнадцать минут. Для призрака, блуждавшего по этим коридорам без малого тысячу лет, времени было более чем достаточно. Пан не просто явился к дверям кабинета за пять минут до звонка, но и успел подобрать по дороге вконец заблудившегося Драко Малфоя вместе с его верными спутниками — Блейзом Забини и Пэнси Паркинсон.

Класс истории магии располагался в самом конце коридора на втором этаже. Поскольку предмет был чисто теоретическим, обстановка здесь ничем не примечалась, кроме громоздившихся повсюду стопок книг: никаких странных ингредиентов в банках и уж тем более мерцающих защитных чар. Единственной диковинкой класса оставался сам преподаватель — профессор Бинс, единственный призрак в преподавательском составе школы. Как выходец из иного мира, Бинс, разумеется, прекрасно знал Пана. Стоило тому переступить порог, как старый лектор приветствовал его церемонным, едва ли не благоговейным поклоном.

Однокурсники, конечно, немало удивились, но списали все на давнее знакомство и быстро потеряли интерес. Лишь годы спустя, если у кого-то из них сохранится в памяти эта сцена, они осознают всю ее невероятность. Ведь лекции профессора Бинса были настолько унылыми и монотонными, что в них никогда не находилось места ничему лишнему. А вежливое приветствие определенно выбивалось из его привычного сонного протокола.

Пан не стал садиться с Драко. Проводив ребят до мест, он незаметно скользнул в самый дальний угол класса, где солнечные лучи едва рассеивали густую тень. История магии была невероятно скучной. Одноименный учебник силился в красках расписать древние войны гоблинов, эльфов и людей, но для того, кто лично наблюдал за развитием этих событий, все эти трактаты казались поверхностными и жалкими. Профессор Бинс, судя по всему, разделял это мнение. Он молча позволил Пану наложить на себя Заклятие игнорирования, после чего юноша беспрепятственно и бесшумно выскользнул сквозь стену наружу. Разумеется, в призрачном облике.

Он бесцельно кружил по замку. Мягкий сентябрьский свет пронизывал его насквозь — лишенное плоти тело больше не могло удерживать солнечное тепло. Каждое первое сентября Пан предавался воспоминаниям, лениво скользя по коридорам Хогвартса. В этот день в разные эпохи он встречал здесь юного, еще совсем беззаботного Альбуса Дамблдора, раненого Тома Реддла, а позже — Лили, Джеймса, Сириуса и Люпина. И, конечно же, Северуса. Хотя с Северусом их пути, кажется, пересеклись гораздо раньше.

Пан взмыл под потолок и опустился на высокий каменный подоконник, устремив взор вдаль. В былые времена, когда память еще туманилась, он любил блуждать по миру маглов — такому близкому и одновременно чужому. Но после той трагедии он добровольно заточил себя в стенах Хогвартса, почти позабыв о суетной жизни простых смертных. Вечно колеблясь, желая переписать судьбу и одновременно страшась последствий, он раз за разом позволял истории сворачивать на проторенную колею у самой развилки. Теперь же его видение грядущего стремительно угасало, что заставляло наконец принять твердое решение: этот мрачный финал должен быть уничтожен. Но...

— Кто здесь?! Выходи! — резкий, ледяной окрик прервал размышления Пана.

Сам того не заметив, он очутился на четвертом этаже, прямо у дверей запретного коридора. Обладателем этого грозного голоса мог быть лишь один человек — декан Слизерина.

Впрочем, Северус не мог его видеть. Пан оставался бесплотным духом, скованным узами древнего контракта, да к тому же защищенным Заклятием игнорирования.

— Выходи, кому говорю! — Снейп уже сжимал в руке волшебную палочку. Он оставался верен себе: вечно настороже, всегда готовый к худшему. Пожалуй, сейчас он вел себя даже более осторожно, чем во времена их первой встречи.

Пан лишь тихо улыбнулся, проигнорировав угрозу. Древний договор надежно скрывал его призрачный облик от взора зельевара. Время еще не пришло — им только предстояло заново познакомиться. Хотя в глубине души Пан отчаянно надеялся, что тот... все еще помнит.

Пан бесшумно скользнул мимо застывшего мужчины. Он почувствовал, как Снейп напрягся, когда они почти соприкоснулись. Отступив на шаг, Пан повернулся и беззвучно устремился вниз, лавируя между пролетами меняющихся лестниц, обратно к кабинету истории магии. Он вернулся так же тихо, как и ушел. Никто ничего не заметил, да и некому было замечать.

Сразу после истории магии наступило время обеда, а вслед за ним — травалогия. Трижды в неделю первокурсники отправлялись в теплицы за замком, где под началом профессора Стебль учились ухаживать за диковинными растениями и грибами, постигая их тайные свойства. К счастью, декан Хаффлпаффа отличалась редким благоразумием, да и сами они были всего лишь на первом курсе, так что к опасным хищным сорнякам детей никто не подпускал. Им приходилось лишь заучивать свойства безобидных трав. Порой эти растения походили друг на друга как близнецы Уизли, а порой различались столь разительно, словно Гриффиндор и Слизерин. Благодаря этому два враждующих факультета ухитрялись обходиться без серьезных происшествий на уроках. За такое редкое затишье оставалось лишь благодарить Мерлина.

По вторникам их ждали заклинания у профессора Флитвика, маленького декана Рейвенкло. Ростом он не вышел, и если бы Заклятие левитации не мешало ему творить другое волшебство, он наверняка парил бы в воздухе вместо того, чтобы взбираться на гору пыльных фолиантов. Впрочем, профессор Флитвик обладал колоссальными знаниями, так что ученикам и в голову не приходило насмехаться над его ростом. На этих уроках уже отчетливо наметилось разделение на будущих лидеров: слизеринская и гриффиндорская тройцы сидели плечом к плечу, разделенные невидимой, но непреодолимой границей, и сверлили друг друга неприязненными взглядами.

На первой же неделе Пан наконец встретился с обладательницей его второй фамилии — профессором Сивиллой Трэлони. Эта эксцентричная, граничащая с безумием женщина за всю жизнь сподобилась лишь на два подлинных пророчества. Возможно, виной тому был скучный

магический источник — ведь мир зиждется на законе равноценного обмена: не отдавая ничего взамен, не получишь истинного дара. Оставалось лишь гадать, какую цену она заплатила за то великое предсказание. Впрочем, стоило признать, что ее послеобеденный чай с ароматным кофе, нежным печеньем и пирожными был куда приятнее пресных обедов в Главном зале. Пожалуй, именно это скромное пиршество и удерживало Пана от искушения прогулять ее занятия.

Первая серьезная стычка между Гриффиндором и Слизерином назрела на уроке трансфигурации у профессора Макгонагалл. Гарри и Рон по своему обыкновению ввалились в класс с опозданием. Пан, подперев ладонью подбородок, с легкой ухмылкой наблюдал, как Уизли шумно вздыхает с облегчением, радуясь отсутствию преподавателя.

Порой гриффиндорское безрассудство и банальная недогадливость поражали воображение. Проучившись больше половины недели, Гарри и Рон так и не сделали выводов. Они продолжали влетать в кабинеты в самый последний момент. То ли дело было в призраках и портретах, которые слишком уж бурно приветствовали «Мальчика-Который-Выжил», то ли мальчишки попросту не умели просыпаться вовремя. Судя по тому, как яростно они набрасывались на еду во время обеда, завтракать им не удавалось вовсе.

— Представь, как бы перекосило Макгонагалл, если бы мы опоздали! — Рон все еще не мог отдышаться.

На самом деле, кислые мины преподавателей давно стали для этой парочки привычным зрелищем.

Стоило Уизли договорить, как сидевшая на учительском столе кошка мягко спрыгнула на пол и прямо в воздухе обратилась в строгую фигуру профессора Макгонагалл. Рон с Гарри от удивления разинули рты. Лицо Рона тут же пошло пятнами — то бледнея, то заливаясь пунцовой краской, напоминая неисправную неоновую вывеску.

Пан с легким злорадством наблюдал за этой сценой, словно за забавным представлением. По правде говоря, Гарри во многом походил на своего отца, Джеймса. От Лили ему достались разве что скрытые за круглыми стеклами очков глаза — яркие, изумрудно-зеленые, совсем не похожие на собственный взгляд Пана.

— Это... это было потрясающе! — заикаясь, выдавил Рон.

— О, благодарю за комплимент, мистер Уизли, — сурово отозвалась профессор Макгонагалл.

Она явно была не в духе. Сложно оставаться благодушной деканшей, когда твои собственные подопечные регулярно срывают начало занятий, пусть даже они и рассыпаются в похвалах.

— Быть может, мне стоило бы трансфигурировать что-то более практичное? Например, превратить вас или мистера Поттера в карманные часы. Тогда хотя бы один из вас являлся бы

вовремя.

Судя по всему, жалобы других профессоров на вечные опоздания этой парочки уже успели набить ей оскомину.

— Мы просто заблудились, — робко оправдался Гарри.

В такие минуты он разительно отличался от отца: Джеймс Поттер на его месте вел бы себя куда наглее.

— И мне нужно трансфигурировать для вас карту? — не без иронии осведомилась Макгонагалл. — Надеюсь, чтобы отыскать свободные парты, путеводитель вам не потребуется?

Она больше не удостоила мальчишек вниманием. Подойдя к кафедре, профессор взмахнула волшебной палочкой — тяжелый дубовый стол тут же превратился в упитанного борова, а затем вернулся в прежнее состояние. Эффектный фокус мгновенно завладел умами первокурсников, разжегши в них небывалый интерес к предмету. Однако восторг угас, стоило им узнать, что до превращения неодушевленных предметов в живые существа им предстоит учиться как минимум до пятого курса.

Ученики принялись усердно записывать под диктовку сложные, запутанные лекции. Мало кто понимал связь между молекулярной структурой вещества и магическими контурами, но послушно записывал каждое слово — зубрежка, пусть и бездумная, оставалась для них единственным мостиком к овладению искусством трансфигурации. Наконец Макгонагалл раздала каждому по обычной деревянной спичке и велела превратить ее в швейную иглу.

Задача казалась относительно простой: несмотря на разницу в строении дерева и металла, спичка и игла близки по форме и объему. Согласно магическому закону сохранения энергии, их энергетический потенциал был практически равен. Юным волшебникам не требовалось аккумулировать колоссальные силы для расщепления связей — нужно было лишь перенаправить собственный поток магии на перестроение внутренней структуры предмета. Тем не менее для большинства одиннадцатилетних детей это испытание оказалось непосильным.

Едва первокурсники приступили к практике, в окно влетела призрачная птица — патронус директора в виде феникса. Очевидно, у Дамблдора возникло неотложное дело, раз он решился отвлечь своего заместителя прямо во время урока. Трансфигурация, конечно, уступала зельеварению по числу взрывающихся котлов, но все же требовала неусыпного контроля. Перед тем как покинуть класс, Макгонагалл сочла нужным строго предостеречь учеников.

— Леди и джентльмены, надеюсь, задача ясна: превратить спичку в иглу, и ничего более, — ее строгий взгляд скользнул по партам. — Хотя я сомневаюсь, что среди вас найдутся те, кому это сразу окажется под силу, я обязана вас предупредить. Слушайте внимательно: ни при каких обстоятельствах не направляйте волшебные палочки на живых существ. Ни на себя, ни на соседа, ни на кого-либо в этом классе. Если я замечу подобное нарушение, уверяю вас:

песочные часы Гриффиндора опустеют быстрее, чем вы успеете моргнуть. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Она сделала паузу, выразительно посмотрев на Гарри и Рона, после чего добавила:

— Я вернусь к концу урока. Каждый, кто сумеет добиться хоть какого-то результата, принесет своему факультету десять баллов. На этом все. Приступайте.

Окинув класс последним предостерегающим взглядом, профессор Макгонагалл наложила на кабинет несколько сдерживающих чар и стремительно удалилась. Однако она, похоже, забыла одну простую истину: если запереть в четырех стенах слизеринцев и гриффиндорцев, слово «мир» можно навсегда вычеркнуть из лексикона.

<http://bllate.org/book/18188/1752043>